

А. Г. Асланян

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕИ ПРОГРЕССА В РОССИИ

Идея общественно-исторического прогресса со дня своего возникновения была предметом острой борьбы между передовыми и реакционными общественными силами. Особенно привлекательным становится понятие общественного прогресса в XVIII, а еще более в XIX веках, в период бурного подъема экономики и культуры капитализма, с одной стороны, возникновения массового социалистического рабочего движения и распространения марксизма—с другой, т. е. в условиях глубоких социальных противоречий. Отсюда отражение великих идей, в частности, идеи прогресса в сознании представителей разных классов происходит через призму этих противоречий. Совершенно прав французский историк данной проблемы Жавари, который еще в середине прошлого века высказал очень важное суждение по этому поводу. «С начала этого века идея прогресса настолько упрочилась, что ее в принципе никто не опровергает; единственный вопрос, подлежащий исследованию, состоит в том, каковы те условия, в которых она осуществляется»¹. Это очень верно сказано; надо, однако, добавить: не только вопрос об условиях, но и вопрос о социальной сущности этой идеи у того или иного класса, общественной группы, политического течения. Этих вопросов буржуазные историки, конечно, не ставят. А изучение истории вопроса показывает отражение в том или ином его решении интересов разных идеологий, мировоззрений, политических интересов.

И действительно, в то время как социалисты, например, прогресс связывали, как известно, с уничтожением частной собственности и осуществлением социализма, совершенно иначе понимали прогресс защитники и апологеты капитализма. Реакцией на социализм, материализм и диалектику явилась вся идеология буржуазии XIX века. Наиболее широким течением, оставившим огромный след во всей буржуазной общественной мысли вплоть до наших дней, был так называемый позитивизм и вульгарный эволюционизм (О. Конт, Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер и их последователи). Вопрос о судьбах общественного прогресса был одной из осевых проблем их социальной философии. Здесь мы уже видим перелом во всей буржуазной идеологии, и в частности, в понимании идеи прогресса. Этот перелом намечается уже с 20—30-х годов XIX века и чем дальше, тем больше обнаруживает свою антинаучную и реакционную сущность. Характерной чертой буржуазной фило-

¹ Ж а в а р и, Идея прогресса, 1851, стр. 74.

софии истории и социологии этого периода является следующее: идея прогресса пока еще открыто не выбрасывается за борт; наоборот, она широко обсуждается и рекламируется: ни одна книга по социологии, философии истории, экономике, историографии, этике и эстетике не обходится без обсуждения и восхваления этой идеи. И это понятно: XIX век был периодом победы капитализма над феодализмом в главных странах Европы, эпохой бурного развития капитализма, его экономики, техники, естествознания, искусств; одним словом,—это был медовый период капиталистического прогресса. Буржуазные идеологи и политики, государственные деятели и историки воспевали безудержный гимн прогрессу капитализма и его культуры. Либералы всех степеней, рангов и типов восхваляли достижения техники, промышленности, торговли, науки и искусств. Утверждалось, что истинной верой надо считать веру в прогресс и именно в буржуазный прогресс, который ведет вперед, веру в единый прогресс, в котором сходятся успехи во всех областях. Это была, по выражению некоторых социологов, вера эпохи. Говорят, что Луи Блан даже предлагал в 1848 году создать министерство прогресса.

Но дело заключалось в том, что понимали под прогрессом буржуазные идеологи и как должны осуществлять его, в каком направлении хочет вести господствующий класс исторический прогресс. Ближайшее рассмотрение вопроса показало, что теперь, т. е. в XIX веке в понятие прогресс вкладывается исключительно буржуазно-консервативное содержание: различные концепции прогресса в буржуазной литературе этого периода направлены на обоснование вечности капиталистического строя, оправдания колониализма, направлены против рабочего движения и научного социализма, т. е. марксизма. Отныне, как указывал Маркс в «Капитале», апология капитализма становится основным лейтмотивом всей буржуазной исторической (в широком смысле это означает всей общественной) науки—политэкономии, социологии, философии истории, историографии, эстетики и др. Ее представителей теперь интересует не объективная истина, раскрытие противоречий капиталистического способа производства и буржуазного строя, а полицейские соображения: соответствует ли то или иное положение классовым интересам буржуазии или нет. Эта характеристика Маркса в равной мере относится ко всем многочисленным школам и школкам буржуазной философии истории, социологии, политэкономии XIX века.

Таким образом, развертывалась острая идеологическая борьба между представителями различных социально-политических групп, классов и течений, обнаруживалось различное, зачастую прямо противоположное понимание общественного прогресса, отражая социальные противоречия и антагонизмы буржуазного общества. Так происходило на Западе. История повторялась и в России, правда, в других условиях и иных формах.

Любопытна диалектика этой борьбы в России в XIX веке. Вначале официальные идеологи и власти самодержавного государства и крепост-

ничества, все мрачные реакционные силы боялись проникновения в русскую литературу даже слова «прогресс» (подобно другим «крамольным» словам, как «революция», «демократия», не говоря уже о социализме), в то время как передовые люди поднимали борьбу за действительный общественный прогресс². В дальнейшем, когда понятие прогресса вошло в русскую литературу, борьба перешла в другую плоскость: либеральные и реакционные публицисты, философы, историки всячески стремятся приспособить идею прогресса к интересам дворян, помещиков, самодержавия, искажая и фальсифицируя ее смысл и содержание, в то время как передовые люди, в особенности революционные демократы, едко высмеивали эти попытки, строили на них пародии³, выдвигали программу революционных преобразований России, как верный путь ее общественного прогресса.

Несомненно, глубже всего понимали проблему общественного прогресса и ближе всего подошли к марксизму революционные демократы в России XIX века—выдающиеся борцы против крепостничества, самодержавия, всех проявлений средневековья, за социальный прогресс—Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов. Их философско-исторические взгляды проникнуты, по характеристике Ленина, историческим реализмом и оптимизмом, духом классовой борьбы. Официальной реакционной идеологии самодержавия и крепостничества революционные демократы противопоставляли самую прогрессивную для того времени идеологию, отражающую чаяния, стремления и интересы революционного крестьянского движения. Выдающиеся материалисты и блестящие диалектики, передовые люди России того времени во главе с Н. Г. Чернышевским высказывали целый ряд глубоких, плодотворных идей о восходящем развитии общества, о классовой борьбе, о роли народных масс в истории, о значении экономического фактора в поступательном ходе истории.

В знаменитом письме к Гоголю В. Г. Белинский провозгласил свое убеждение и свой идеал, а именно: всей силой своего ума и своей души бороться за прогресс Родины. «Да, я люблю Вас со всей страстью,—писал он,—с какой человек, кровно связанный со своею странюю, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития и прогресса»⁴. Белинский, выступая против идеализма, в частности идеализма Конта, понимал, что прогресс есть не случай-

² Чрезвычайно симптоматично, что реакционные буржуазные идеологи второй половины XX века в своей ненависти к коммунизму возрождают взгляды эпохи мрачной реакции самодержавия. Английский историк Е. Карр в своей книге «Что такое история?» очень хорошо говорит об этом: «Говорят, что Николай I издал в России приказ, запрещающий слово «прогресс». Теперь философы и историки Западной Европы и Соединенных Штатов с опозданием согласились с ним. Гипотеза о прогрессе была отвергнута». E. Carr, *What is history?* London, 1962, p. 106.

³ См. М. Черняева, «Слово «прогресс» в сатирических стихах Добролюбова, Курочкина и Минаева». Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия филологическая, выпуск 59, 1960.

⁴ В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах. ОГИЗ, М., 1948, том 3, стр. 707.

ное явление, а объективно-исторический процесс, происходящий независимо от произвола людей. Он, например, отмечал, что развитие промышленности и капитализма не случайное явление. «Развитие... есть ход вперед, следовательно, улучшение, успех, прогресс»⁵.

Этот исторический оптимизм в понимании прогресса, как объективного процесса в истории, связан у Белинского с глубокой догадкой о законосообразности в истории. Вообще науке об истории Белинский придавал громадное значение: без познания истории, говаривал он, невозможно понимать ни философию, ни право, ни искусство и литературу, ни даже естествознание. Белинский исходил из того убеждения, что исторический процесс представляет собой связанную цепь прошлого, настоящего и будущего. Процесс этот в общем и целом, как говорит Белинский, идет по восходящей линии развития. Без понятия о прогрессе человечества нельзя обойтись, потому что современное состояние человечества есть необходимый результат предыдущего и в свою очередь служит исходным пунктом будущего развития. Отсюда—история не скопление случайных событий, возникающих без причин, произвольно, непонятных, а закономерность. «Великие исторические события не являются случайно или вдруг, сами из себя или (что все равно) из ничего, но всегда бывают необходимыми результатами предшествовавших событий»⁶.

Хотя философско-исторические взгляды Белинского и других революционных демократов в целом идеалистичны, однако вышеприведенные мысли представляют собой блестящий элемент научно-материалистического понимания истории.

Больше того, будучи замечательным диалектиком, Белинский хорошо понимал всю сложность и противоречивость общественно-исторического прогресса. Для него история—не прямая линия и не круг, а своеобразная спираль. «Человечество,—писал он,—движется не прямой линией и не зигзагами, а спиральным кругом, так как высшая точка пережитой им истины в то же время есть уже и точка поворота его от этой истины,—правда, поворота не вверх, а вниз: но для того вниз, чтобы очертить новый, более обширный и стать в новой точке, выше прежней, и потом опять идти, понижаясь, кверху...»⁷. Белинский не без влияния первых марксистских статей Маркса ясно представлял себе противоречивый, уродливый характер капиталистического прогресса. Он отмечал прогрессивную роль капитализма по сравнению с крепостничеством, но в то же время он четко видел, что капитализм приносит с собой новое, наемное рабство, разорение масс, нищету и голод. Он говорил, что возникновение капитализма и буржуазии не случайно, а вызвано историческим развитием, что буржуазия сыграла в прошлом положительную роль, оказав человечеству исторические услуги. И в то же время он указывал, что буржуазия теперь стала реакционной, перестала бороться

⁵ Там же, стр. 767.

⁶ В. Г. Белинский, Собр. соч. в 3-х томах. ОГИЗ, М., 1948, том 1, стр. 399.

⁷ Там же, стр. 380.

против старых учреждений и держит народ голодом. «Я знаю,—писал он,—что промышленность—источник великих зол, но знаю, что она же источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом»⁸.

Из всего этого для революционных демократов вытекал тот исторический вывод, что идеалы передовых людей России должны быть направлены не на прошлое, а на будущее, на дальнейшее развитие и глубокие преобразования России по пути прогресса. Этим людям придется вести беззаветную борьбу против реакции, боящейся самой идеи прогресса. «Есть еще особенный род врагов прогресса,—пишет Белинский; это люди, которые тем сильнейшую чувствуют к этому слову ненависть, чем лучше понимают его смысл и значение. Тут уже ненависть собственно не к слову, а к идее, которую оно выражает, и на невинном слове вымещается досада на его значение»⁹.

А. И. Герцен также высказывал плодотворные идеи о развитии истории. Рассматривая это развитие как такой процесс, где каждая новая ступень, будучи отрицанием предыдущих, не отбрасывает их достижения, а вбирает в себя, обогащается и потому развитие идет в восходящем порядке. Развивая свои диалектические мысли, Герцен опровергал как грубый эволюционизм, боящийся революционных переворотов в общественной жизни, так и нигилизм, не понимающий момента преемственности в развитии культуры.

Либеральные публицисты, официальные идеологи и все апологеты самодержавия пели дифирамбы существующему строю, якобы отменой крепостного права открывшему безграничные горизонты исторического и социального прогресса. Революционные демократы зло высмеивали эту ложь, показав, что на деле в России после крестьянской реформы сохранилось много крепостнических отношений и учреждений во всех сферах социальной жизни. Эти остатки и пережитки задерживали экономическое, техническое, социальное и всякое иное развитие, сковывали прогресс великой страны. В силу этого развитие капитализма в России шло чрезвычайно медленно, это был мучительный путь страданий десятков миллионов трудящихся. Ленин назвал такой путь развития прусским путем. Разоблачая апологетов этого прусского пути, Н. А. Добролюбов писал: «Уже несколько лет все наши журналы и газеты трубят, что мгновенно, как бы по мановению волшебства, Россия вскочила со сна и во всю мочь побежала по дороге прогресса, так что ее теперь никак не догонишь»¹⁰.

Особо важным является для нас философия истории вождя революционных демократов, выдающегося материалиста и блестящего диалектика Н. Г. Чернышевского, названного Марксом великим русским критиком и революционером. Его учение, как и взгляды всей плеяды револю-

⁸ В. Г. Белинский, Собр. соч. в 3-х томах. ОГИЗ, М., 1948, т. 1, стр. 380.

⁹ Там же, т. 3, стр. 767—768.

¹⁰ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, ОГИЗ, М., 1948, т. 1, стр. 369.

ционных демократов, возникло как раз на почве освободительного крестьянского движения в России, как выражение и защита интересов крестьянства. Это учение включает в себе блестящие элементы материалистического понимания исторического процесса, замечательное для своего времени обоснование и защиту революционного прогресса в России. Чернышевский довольно верно схватывает общую картину хода истории народов, поскольку это было возможно для того времени в России и на тогдашнем уровне исторической науки. Ход истории всех народов, по мысли Чернышевского, отличается единством законов и прогрессивной направленностью своего развития. Из высказываний великого мыслителя видно, что Чернышевский вплотную подошел к пониманию значения экономических условий в истории. В высказываниях вождя революционной демократии три плодотворных идеи философии истории четко проводятся. Это, во-первых, идея о решающей роли экономического быта среди других сторон общественной жизни, во-вторых, прогрессивный характер исторического процесса, в-третьих, единство законов этого процесса¹¹.

Критикуя субъективно-идеалистическое понимание истории, наш мыслитель и революционер указывает, что их метод в основе своей порочен: они пишут о политических и умственных сторонах исторического процесса, но о материальной стороне ничего не говорят или почти ничего не говорят. «О материальных условиях быта,—пишет Н. Г. Чернышевский,—играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину всех явлений, и в других высших сферах жизни, едва упоминается, да и то самым слабым и неудовлетворительным образом, так что лучше было бы, если б вовсе не упоминалось»¹². Дальше мысль о первичной роли материальных условий углубляется; указывается на связь различных сторон общественной жизни—экономики, политических и юридических отношений, идеологии, причем решающей оказываются экономические отношения, например, отношения собственности. В частности важным зачатком научно-материалистического понимания истории является стремление Чернышевского связать политические и юридические отношения с экономическими интересами и образом жизни данного народа, данной страны. Так, например, он указывает, что пастушеский образ жизни обусловил собою общественную собственность, земледелие и оседлый образ жизни вызвали частную собственность.

Исторические события, по Чернышевскому, детерминированы обстоятельствами, среди которых коренными являются опять-таки экономические условия. Экономический быт народов имеет свою объективную закономерность, внутреннюю логику, последовательность и фазы своего развития, а именно: развитие шло от рыболовства и охоты через скотоводство и земледелие к ремеслу и промышленности; от общинной собственности к частной собственности, то есть развитие экономической.

¹¹ Единство в том смысле, что все страны в своем развитии подчиняются общим законам всемирной истории, хотя и каждая по своему.

¹² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., СПб., 1906, том 2, стр. 409—410.

жизни народа идет по восходящей, прогрессивной линии. Этот тезис о закономерном прогрессе Чернышевский обосновывал при помощи конкретного материала из русской истории и истории других народов Запада и Востока, а в области истории у него были обширные познания. Чернышевский подчеркивает, что закономерность и прогресс присущи истории всех народов и стран без исключения: развитие одних стран и народов не идет в одном, восходящем направлении, а других — в противоположном. Таким образом, развитие идет не по кругу, не по нисходящей линии, а по восходящей линии. Это и есть исторический прогресс.

Однако очень важно подчеркнуть, что Чернышевский прекрасно понимал, что прогресс истории не есть геометрически прямая линия, кем-то или чем-то фатально predetermined. Он всей силой подчеркивает сложность, зигзагообразность, противоречивость общественного развития в истории, где каждый народ на своем пути не механически повторяет путь развития других народов, а вносит нечто новое, свое специфическое: многое зависит здесь от обстоятельств и условий данной страны, в том числе и внешних условий.

Блестящий диалектик Н. Г. Чернышевский обнаруживает глубокое понимание спиралеобразного характера исторического прогресса, ход истории представлялся ему менее всего похожим на прямую геометрическую линию. Каждый новый народ, говорил Чернышевский, вступая на путь исторического развития, не повторяет все ступени цивилизации, пройденные более развитыми народами; он совершает своеобразный исторический прыжок, опуская ряд звеньев в истории развития других стран, делая исходным пунктом высшие достижения других народов. Иногда происходит как будто возврат к пройденным ступеням цивилизации. Однако высшие ступени лишь по форме представляют возврат к начальным ступеням, по своему же содержанию они безмерно выше и богаче.

Своеобразие истории развития каждого народа, предупреждает Чернышевский, не нарушает, однако, основного положения об общности законов всемирной истории. С этих позиций великий русский революционер и мыслитель дал бой националистам и космополитам, расистам и дворянско-буржуазной историографии. Эти мысли Чернышевского имеют сегодня особо важное значение. Хотя Чернышевский не сумел полностью преодолеть идеалистическое понимание истории, он глубже из всех предшественников марксизма понимал ход всемирной истории и был убежден в неизбежности торжества новых, т. е. социалистических форм жизни.

Сам Чернышевский был героическим борцом за торжество социальной справедливости и социального прогресса. Из теоретического понимания прогресса в истории вытекал тот очень важный для него и для его поколения вывод, что историю делают не отдельные личности по произволу, по своей свободной воле, пусть даже самые выдающиеся личности, а трудящиеся классы, народ: их борьба за свое освобождение от ярма

угнетателей закономерна, исторически необходима и неизбежна. Революционное уничтожение старых порядков было для Чернышевского, несомненно, главным средством для обеспечения общественного прогресса и главной целью его борьбы. Он верил, в частности, в великое будущее русского народа.

Выдающийся предшественник марксизма Н. Г. Чернышевский предвидел восхождение зари грядущего будущего и работал для него. Однако он прекрасно понимал, что путь борьбы, ход истории тернист, он не усеян розами: история, говорил он, не есть Невский проспект,—широкий, тихий, ровный. Путь свободы проходит через ряд побед и отдельных поражений и только тот достоин славы и бессмертия, кто настойчиво, упорно преодолевает трудности. Он мог бы вместе с Фаустом сказать:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

* * *

Теория Н. Г. Чернышевского об историческом прогрессе была высшим достижением домарксистской передовой общественной мысли. Настоящим же переворотом истории этой мысли было то, что совершили вожди и идеологи революционного пролетариата, гиганты научной мысли—К. Маркс и Ф. Энгельс, открывшие новую эру в истории освободительного движения и идеологии пролетариата. Появление марксизма само было необходимым продуктом всего предшествующего исторического прогресса, глубочайшим обобщением истории философской, социальной и естественно-научной мысли; сам марксизм стал в дальнейшем величайшей силой социалистического преобразования общества. Развитие крупного производства, образование, вследствие этого, многочисленного класса пролетариев, класса, ставшего в 30—40-х годах XIX столетия серьезной революционной, общественно-политической силой,— все это вскрывало внутренние противоречия развития капитализма, указывало на исторически преходящий характер его прогресса. Марксизм ответил на насущные вопросы, вставшие всем ходом исторического развития человечества, создав совершенно новое, диалектико-материалистическое мировоззрение, важнейшей частью которого является исторический материализм—единственно научная философия истории и теория исторического прогресса.

Сущность ее и выводы, из нее вытекающие, вкратце можно передать в следующих положениях: 1) в основе всех общественных отношений—отношений политических, юридических, правовых, идеологических—лежат отношения материальные, экономические; 2) характер и развитие этих экономических (производственных) отношений обусловлены уровнем и характером производительных сил общества; 3) развитие производительных сил и обусловленных ими исторических типов общественно-экономических отношений, образующих общественные формации, происходит по объективным, от воли и сознания людей независимым

законам, представляя собою закономерный, естественно-исторический процесс; 4) диалектика производительных сил и производственных отношений лежит в основе смены общественных формаций, развивающихся в форме исторического прогресса; 5) в исторической цепи смены этих формаций капитализм сыграл большую прогрессивную роль по сравнению со всеми предшествовавшими ему общественными формациями. Марксизм доказал, однако, что капитализм к концу XIX века исчерпал в основном свою исторически прогрессивную роль и должен уступить место новой общественной формации—коммунизму. Капитализм сам создал материальные предпосылки и социальную силу для коммунистического преобразования общества. Такой предпосылкой является крупное производство, такой революционной социальной силой—пролетариат. Марксизм открыл эту силу из иманентных законов развития буржуазного общества, в самом буржуазном обществе, силу, которая может и по своему общественному положению должна осуществить великий исторический прогресс—свержение капитализма и созидание коммунизма. Марксизм указал условия, содержание и характер освободительного движения пролетариата, научно обосновав дальнейший исторический прогресс человечества; 6) коммунизм—высшая ступень всей человеческой цивилизации; утверждение этого строя означает уничтожение всех форм угнетения и эксплуатации—социальных антагонизмов, национальных противоречий и тем самым открытие безграничной возможности прогресса общества, всестороннего расцвета личности, утверждение подлинного царства мира, труда, свободы, равенства, братства, счастья всех народов.

Здесь не место систематически позитивно излагать марксистско-ленинское учение об общественно-историческом прогрессе. Укажем лишь на тот факт, что человечество вступило в XX век не только с буржуазными концепциями и буржуазным пониманием прогресса, не только с революционно-демократическими идеями, но и с единственно научной философией истории—марксистско-ленинской теорией. Возникновением марксизма социальная философия (и философия вообще) впервые была поставлена на строго научную почву, социология была возведена на ступень науки. Только на основе материалистического понимания истории был открыт объективный закон общественного прогресса. Вся история марксизма на Западе и в России была историей непрерывной, последовательной, непримиримой борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными идеологиями, с многочисленными антинаучными и антиреволюционными течениями и концепциями—позитивизмом, народничеством, неокантианством, махизмом и др.

С этих строго научных и революционных позиций и выступили русские марксисты, отстаивая великую идею общественного прогресса, связывая ее с освободительным движением пролетариата. Величайшим корифеем науки, вождем мирового пролетариата был В. И. Ленин.

В 80—90-х годах XIX века в России шли горячие споры по вопросам философии истории вообще, сущности исторического прогресса, судеб

будущего развития России в особенности. Появились различные концепции идеалистического и вульгарно-эволюционистского характера. Особым влиянием среди русской интеллигенции пользовались субъективная социология либеральных народников и буржуазно-объективистская философия истории (в сочетании с неокантианством) так называемых «легальных марксистов». Идейно-политическую борьбу против этих течений, а также против махизма и других антимарксистских систем развернули революционные марксисты во главе с великим продолжателем учения и дела Маркса и Энгельса, величайшим корифеем науки—В. И. Лениным. Разбор всей этой истории в наш беглый исторический экскурс не входит; вкратце упомянем лишь о сути теории прогресса у народников и «легальных марксистов» по ленинской ее критике.

Глава народнической субъективной социологии Н. Михайловский выпустил специальную книгу под названием «Что такое прогресс?», в которой исторический прогресс рассматривал с точки зрения «критически мыслящей» и «нравственно-развитой» личности. Смысл этого заключался в следующем. Субъективные социологи принципиально противопоставляли область общественных явлений области естественных, социологию—естествознанию. Для исследования естественных явлений природы, говорили они, должно следить за цепью причин и следствий: для исследования общественных явлений этот принцип неприменим, здесь нужен особый, субъективный метод. Социальная философия должна стремиться не к раскрытию объективной связи и причинной обусловленности общественных событий: она не должна задаваться вопросом—какие социальные процессы и по каким законам происходят в обществе, какие общественные отношения разлагаются и какие складываются в данную эпоху, в данной стране, какие классовые группировки образуются, независимо от воли, желаний и идеалов людей, какой класс может и должен быть носителем дальнейшего общественного прогресса. По Михайловскому, главная задача социологии заключается в том, чтобы выяснить, какие общественные условия желательны для осуществления тех или иных потребностей «человеческой природы» и идеалов справедливости.

Одним из основных положений субъективистов был взгляд о том, что не народ («толпа»), а выдающаяся личность («герой») творит историю, руководствуясь нравственным идеалом справедливости. Можно сказать, в этом—суть рассуждений субъективных социологов. Идеал справедливости и потребности человеческой природы—вот тот критерий, при помощи которого следует, по мнению Михайловского, оценивать общественные события и порядки; все общественные порядки, не соответствующие этому идеалу, случайны, незаконны, ненормальны, являются ошибкой, заблуждением, подлежат устранению.

С этих позиций Михайловский ведет страстную полемику с либеральным социологом Г. Спенсером. Книга Михайловского «Что такое прогресс?» представляет собой целиком полемическое сражение против учения Спенсера о прогрессе. Народнический социолог обрушивается на

рассуждения английского позитивиста-эволюциониста о том, что дифференциация общества, т. е. развитие от однородного к разнородному и есть прогресс. Этот прогресс, рассуждал Спенсер, есть объективный ход вещей, и он совпадает с субъективным стремлением человека, т. е. нравственным идеалом. Михайловский возражает против этого: такого совпадения, говорит он, нет. Утверждение Спенсера, говорил Михайловский, имеет целью оправдать буржуазные порядки. Сам Михайловский полагал, наоборот, что в однородном, недифференцированном обществе личность полнее, гармоничнее, богаче, содержательнее, потому что выполняет разнородные функции. В подтверждение своей мысли Михайловский ссылается на следующее рассуждение немецкого поэта и мыслителя XVIII века Ф. Шиллера: в дифференцированном обществе, т. е. в условиях разделения труда, личность теряет свою целостность и вырождается. Работая над ничтожным отрывком целого, он сам становится отрывком; вечно слыша однозвучный шум только того колеса, которое вертит он сам, человек не в состоянии развить гармонию в своем существе, и выхолащивается его человеческая целостность. Полностью соглашаясь с этой характеристикой, и исходя из своих представлений о гармоничной целостности и идеала справедливости, Михайловский дает свое известное определение прогресса. В своей книге он пишет, что прогресс есть «возможно полное и многостороннее разделение труда между органами человека и возможно меньшее разделение труда между людьми...» Или «... прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми»¹³. Возможно полное и многостороннее разделение труда между органами человека и возможно меньшее разделение труда между людьми, разъясняет Михайловский, нравственно, справедливо, разумно, прогрессивно: обратное же положение будет безнравственным, несправедливым, вредным, регрессивным.

Это определение прогресса, данное либеральным народником, по существу мало чем отличается от определения позитивистов, и спор между ними—это спор внутри одного и того же лагеря позитивистов, противников марксизма с той лишь разницей, что идеал справедливости у Михайловского при ближайшем рассмотрении был ни чем иным, как вульгаризированным воспроизведением идеала русской демократической буржуазии. К тому же Михайловский критикует Спенсера не за абстрактность его суждений о прогрессе, не за метод внешних, поверхностных аналогий между обществом и организмом, не раскрывающий ни одного закона общественного развития и сущности исторического прогресса, а за его стремление рассматривать общественную эволюцию под углом объективности причин и следствий. Философско-историческая концепция субъективных социологов представляла собою не что иное, как смесь позитивизма с кантианством.

¹³ Н. Михайловский, Что такое прогресс?, стр. 214—215.

Рассуждения Михайловского о том, «что такое прогресс?» страдали субъективизмом, абстрактностью, метафизичностью. И действительно, он все время оперирует такими категориями, как желательность, идеал справедливости, человеческая природа и т. д. Из его концепции совершенно выпадают такие категории, как действительность, объективный ход истории, порождающие те или иные желания, понятия о справедливости и т. д. Тем самым субъективный социолог избегает анализа конкретной действительности и выведения отсюда понятия о прогрессе. Его совершенно не интересовало то обстоятельство, какая общественная формация и какой действительный прогресс складывается в России. Следовательно, не реальная формация со всеми ее противоречиями, а абстрактные рассуждения о том, что желательно или нежелательно. «Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формации»¹⁴. В. И. Ленин разоблачил бессилие этих рассуждений, замазывающих классовые противоречия и превращающих социологию в утопию и систему мещанской морали.

Подвергнув уничтожающей критике эту субъективистскую концепцию, Ленин противопоставил ей научно-материалистическое понимание истории, представляющее собой научную теорию общественно-исторического прогресса и могучий метод воздействия на ход истории. Эта последняя представляет, писал Ленин, закономерное развитие типов общественных формаций по восходящей линии. Эта закономерность представляет объективный процесс, от желаний людей не зависящий. Обращаясь к русской действительности с этих позиций, Ленин раскрывал капиталистические тенденции этой действительности, развитие которой вело к неизбежному переходу к другой, более высшей—социалистической формации. Отсюда Ленин выводил задачу передовых сил и мыслителей России—познать этот процесс во всей его совокупности и конкретности и на этой основе построить выработку революционной программы, тактики, политики. Научная социология, разъяснял Ленин, «должна дать цельную картину нашей действительности как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»¹⁵.

В 90-х годах против народников выступила в России группа либерально-буржуазных профессоров под названием «легальный марксизм» (П. Струве, Туган-Барановский, Н. Бердяев, Булгаков). Глава «легальных марксистов», неокантианец Петр Струве (будущий идеолог кадетов) также подвизался на ниве науки и претейдовал на оригинальную концепцию дальнейшего общественного прогресса России. Поддерживая мысль

¹⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. I стр. 272.

¹⁵ Там же, стр. 278.

Спенсера о том, что прогресс—это дифференциация, П. Струве прибавлял к этому мысль о так называемой социальной группе. «Гармоническая целостность индивидуума в своем содержании определяется степенью развития, т. е. дифференциацией группы»¹⁶. Это понимание общественного прогресса отличалось такой же абстрактностью, как и определения позитивистов и народников.

В. И. Ленин камня на камне не оставил от всех этих схоластических определений прогресса, данных буржуазными и мелкобуржуазными идеологами. Бессодержательность, ненаучность этих концепций, уводящих в сторону от понимания противоречий капитализма, приукрашивающих буржуазный строй, присущи всем этим концепциям и по поводу них можно сказать то, что говорил Ленин в связи с критикой буржуазной социологии вообще: «Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальностей от дифференциации общества,—совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его»¹⁷.

Рассуждение главы «легальных марксистов» не только абстрактны: облеченные в оболочку марксистской терминологии, они представляли прямую апологию капитализма и буржуазии, искажая революционную сущность марксизма, приспособлявая его к интересам русской реакционной буржуазии. Поэтому разоблачение этого либерально-буржуазного течения Ленин рассматривал как важнейшую часть идейно-политической борьбы революционных марксистов.

В своей критике народников, отрицавших неизбежность развития капитализма в России или считавших его случайным явлением, лидер «легальных марксистов» П. Струве доказывал неизбежность и прогрессивность развития капитализма и... на этом останавливался. Изображая это развитие в виде «непреодолимых исторических тенденций», П. Струве призывал преклоняться перед капитализмом, становиться его защитниками. Он замалчивал внутренние противоречия этого строя, его антагонистический характер, которые неизбежно вели к коммунистической революции и, следовательно, вызывали в жизнь также «непреодолимые исторические тенденции», только иного характера. Следовательно, русская капиталистическая действительность содержала в себе противоречивые тенденции. Либерально-буржуазный профессор выпячивал одни тенденции, оставляя в тени или полностью замазывая другие. Его рассуждениям также чуждо понятие общественно-экономической формации и естественно-исторического процесса, как и субъективной социологии. Подобно всем буржуазным объективистам, Петр Струве историческую необходимость и прогрессивность капитализма превращал в историческую апологию его.

¹⁶ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 392.

¹⁷ Там же.

Революционные марксисты, борясь с народничеством, разоблачали реакционную сущность идеологии также «легальных марксистов». Марксистское понимание буржуазного прогресса неизмеримо шире, глубже, всесторонне. Это понимание включает в себя не только историческую закономерность возникновения капитализма и его прогрессивность, но такую же закономерность его диалектического отрицания и неизбежной гибели. «Прогрессивное значение капитализма,—писал Ленин,—состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождая умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу»¹⁸. Капитализм, безусловно, означал новую ступень в историческом прогрессе в сравнении с феодально-крепостнической формацией. Капитализм разрушил старые формы труда, развил производительные силы, торговые отношения (внутренние и мировые), оторвал крестьянина от патриархальных отношений деревни; вследствие роста промышленности и городов происходили передвижения громадных масс населения; в то же время миллионы людей превращались в наемных рабочих, работающих на крупных предприятиях. Этот же прогресс, таким образом, подготовил необходимые предпосылки для перехода к высшей общественной формации—к коммунизму.

Считаем излишним разбор других определений прогресса. Можно упомянуть еще об определении, данном бывшим марксистом, в дальнейшем главой русских махистов А. А. Богдановым. Отождествляя общественное бытие с общественным сознанием, а затем перенося биологические законы на общество, Богданов эту смесь идеализма с вульгарным натурализмом выдавал за марксизм. «Мы приходим,—писал он,—к такому выводу: и там, где люди сходятся в своих высказываниях относительно прогресса, и там, где они расходятся, основной смысл идеи прогресса остается один и тот же: **возрастающая полнота и гармония жизни сознания**. Таково объективное содержание понятия прогресс... Если теперь мы сравним полученное нами психологическое выражение идеи прогресса с выясненным раньше биологическим («биологическим прогрессом называется **возрастание суммы жизни**»), то мы легко убедимся, что первое вполне совпадает со вторым и может быть из него выведено... Так как жизнь социальная сводится к психической жизни членов общества, то и здесь содержание идеи прогресса остается все то же—возрастание полноты и гармонии жизни; только надо прибавить—**социальной жизни людей**. И, конечно, иного содержания идея социального прогресса никогда не имела и не может иметь»¹⁹.

Как видим, сущность всех этих пониманий и концепций прогресса одна. Марксизм вырос в борьбе со всеми этими буржуазными и мелкобуржуазными взглядами, представляющими различные варианты идеалистического и вульгарно-натуралистического понимания истории.

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 393—394.

¹⁹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 312.